

ЖЕНСКОЕ МОЛЧАНИЕ КАК БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ МУЖСКОМУ ВЛАСТНОМУ ДИСКУРСУ

Известное высказывание Ж. Делеза о том, что полов существует не два, а столько, сколько индивидов, шокирующее научное сообщество своей нестандартностью и оригинальностью, сегодня воспринимается спокойно и не кажется чем-то из ряда вон выходящим, как, впрочем, и предполагается в рамках постмодернистской культуры. Постмодерн как явление усталой культуры приемлет и принимает все... Признание же факта полицентричности окружающего мира стало, как известно, альфой и омегой постмодернистских и постструктуралистских течений. Ж. Деррида отмечал: «...с одной стороны, очень важно представить собственно говоря, саму множественность голосов, само многоголосие, а вот с другой стороны, открыть пространство для различий пола... то, каким образом проблема пола принижалась, подавлялась и вообще преподносилась во всем западном мышлении, является, если угодно, центральной для всей концепции деконструкции» [9, с. 15]. Осознание этого инициирует изучение гендерных отношений, вычленение их как самостоятельного раздела социологии. Это, с одной стороны. С другой стороны, лингвистический поворот коммуникативистики, предполагающий анализ не только речевого, но и неречевого дискурса, детерминировал исследование различных аспектов языка как главного инструмента коммуникации. Коммуникация, с точки зрения теории коммуникации, — это не только передача сообщений, но и отсутствие сообщения. В этом смысле пауза, молчание — это тоже коммуникация, взятая в горизонте истории. Поэтому представляется важным с целью извлечения смыслов «взломать» текст молчания, что предполагает использование определенного инструментария. Кстати, чем незаметнее работает коммуникация, прячась под покровом слов или их отсутствия, тем теснее соучастие и приглашение к необычной интерпретации женского молчания как вселенского молчания мира в его первоизданной глубине и девственной чистоте. Используя язык семиотики, можно сказать, что женское молчание является маркированной формой гендерной идентичности и как всякая маркированная форма вызывает повышенный интерес и желание извлечения новых смыслов и глубин универсума.

Мы не ставим задачи обзора учебной и монографической литературы, географии феминистских организаций, занимающихся гендерной проблематикой. Наша задача — исследовать молчание как другое, осуществив рефлексии вокруг того, что именуется женской субъективностью, выявив призму, которая коррелирует с постмодернистской эпистемологией. Именно она позволяет проблематизировать женскую субъективность, обнаружив новую философскую конструкцию — гендерно маркированную субъективность в отличие от бесполой классической субъективности. Это связано не только с интересом или модой, скорее это обусловлено, кроме перечисленных выше причин, стремлением преодолеть антитетическое противопоставление бинарных оппозиций. Инициация интереса к данной проблеме и может быть объяснена как раз через призму эпистемологии постмодерна, соскальзывающей в русло нетрадиционных гносеологических схем.

Женская субъективность в культуре может быть репрезентирована через анализ практик речевого дискурса, которые сопряжены с концепцией власти Мишеля Фуко. Итак, в качестве методологического инструментария предполагается использование его-документов (под этими документами обычно понимают автобиографии, письма, литературно-художественное творчество). В нашем случае это будет женская поэзия начала середины 90-х годов XX века как разновидность его-документов. Причем мы выбрали не большую поэзию, а то, что может быть охарактеризовано как «вот-поэзия», или поэзия повседневности, в которой преломляется бытие нашей современницы, ее

восприятие мира. Поэтому мы сознательно кое-где не указываем автора; соблюдение анонимности, думается, позволяет уйти от того властного дискурса, который невольно проявляется в указании на количество опубликованных сборников, стихов. Здесь мы следуем за Элен Сиксу и Люси Иригарэй, которые ввели понятие *женское письмо*, позволяющее раскопать женскую идентичность. Женское письмо – это место, в котором женщина обретает себя. Поэтому «женщина должна вложить себя в текст — как в сущий мир и в человеческую историю — совершив самостоятельное движение» [26, с. 799]. Далее Элен Сиксу отмечает: «Наконец-то женщины возвращаются из дремучего далека, где все и всегда “как положено”, они идут из вересковых пустошей, где ведьмам дозволено выжить, из застенков “культуры”; из своего детства, которое мужчины отчаянно заставляют их забывать, обрекая его на вечный покой» [там же, с. 801].

Этот метод анализа женского письма (дискурса) весьма продуктивен, ибо «язык — волшебное зеркало, в котором заключены человеческие миры... Мы пленники своего языка» [28]. Именно через язык женщина была изгнана из текстов, составленных мужчинами. «Практически вся история литературы базируется на традиции разума, чем одновременно обеспечены поддержка, результат и алиби. И это проистекает из древней фаллоцентрической власти. Это все тот же феномен самолюбования, самостимуляции, самодовольного фаллоцентризма» [26, с. 803]. Итак, мужской дискурс — это властный дискурс, дающий имманентно присущее мужчине право на привилегии и выбор. Иначе говоря, за языком скрыты определенные стратегии власти. Мишель Фуко отмечает: «Власть — это не некий институт, некая сила, которой кто-то был наделен. Власть — это имя, которым называют стратегическую ситуацию в данном обществе» (цит. по: [22, с. 302]).

Кроме сугубо теоретического интереса, обусловленного во многом той «суетой», которая ведется вокруг постмодерна вообще как культурного феномена, как типа общества, как определенного этапа, есть интерес сугубо практический, связанный с действительным положением женщины в современном мире. Женщина и мир... Мир, в котором мы живем, — это мир мужской культуры, мир мужских ценностей. Так было из века в век. Социокультурные особенности пола недооценивались в рамках западноевропейского мышления, которое реализовало себя в рамках классического рационализма. Ориентация на единый, общий для всех людей универсальный разум, независимый от личностных и социально-культурных характеристик его обладателей, добывающих всеобщую и необходимую истину, не способствовала фиксации разнообразия.

Традиционная парадигма классического рационализма, достигшая своего логического завершения в системе Р. Декарта, корнями уходит в древнегреческую философию, сущностью которой является поиск постоянного нечто, упорядочивающего мир изменчивости. Это упорядочивающее первоначало досократовской философии, тесно связанное с принципом происхождения вещей, приводит к господству линейного принципа причинности, в центре которого модель однонаправленного мира. Такая модель нуждается в главенстве трансцендентального принципа, дисциплинирующего порядок. Этот дисциплинирующий принцип, отмечает С. С. Аверинцев, соответствует движению сверху вниз, квинтэссенция которого «есть прежде всего техника силлогизма, т. е. дедукции – иерархического движения сверху вниз, при котором общее мыслится первичным по отношению к частному: первичным прежде всего гносеологически, т. е. более познаваемым, более достоверным, но по большей части и онтологически, т. е. более реальным» [1, с. 11]. Этот логико-риторический, или дедуктивный, рационализм есть «первый тип европейского рационализма, который был подготовлен досократиками, шумно и с вызовом заявил о себе во всеуслышание у софистов и окончательно выяснил собственные основания в творчестве Аристотеля, затем сохранял фундаментальное тождество себе до времен Декарта и далее, до зари индустриальной эры» [там же, с. 10].

Что из этого следует? В самом общем плане можно сказать, что проекция этого типа рациональности на человеческое общество привела к признанию отношений властвования и подчинения не только как необходимых, но и полезных. Иначе говоря, мужское начало

— субстанциальная форма, логически возведенная над акциденцией, женским началом (Аристотель). Итак, существующая система иерархии полов, ядро которой состоит в господстве мужчины над женщиной, тесно связана с маскулинизированным типом экономического господства. Властвование мужчины над женщиной — это исторически первая форма господства, из которой вытекают различные формы насилия и унижения женщин в обществе.

Корнелия Клиндер в статье «Позиции и проблемы теории познания в женских исследованиях» отмечает: «Спустя почти целое столетие после формального допуска женщин к академическому образованию и обучению мы все еще далеки от равного представительства полов во всех областях и на всех ступенях научных структур» [15, с. 101]. Естественно, в данном случае возможны возражения относительно доступности образования, численного состава женщин, имеющих ученые степени и т. д. Но суть замечаний Корнелии Клиндер сводится к тому, что картина мира, которую предлагает наука, не является всеобъемлющей, следовательно, объективной [там же, с. 103].

Эта картина мира отражает целый ряд ограничений, связанных с фиксированной точкой зрения, ибо создавалась с позиций классического типа рациональности, характерных только для одного пола. В феминистских исследованиях такого рода ограничения обозначаются понятием андроцентризма. Принцип андроцентризма базируется на восприятии социальной жизни с точки зрения мужчин, логическим следствием чего является отсутствие понимания или описания поведения женщин. В патриархальной структуре языкового и культурного порядка символом знания и власти, согласно Ж. Лакану, является привилегированное положение фаллоса. Феминизм подвергает критике лакановский фаллоцентризм (логоцентризм). Люси Иригарэ отмечает: «...то, что хочет считаться универсальным, равняется на мужской идиолект, на воображаемое мужское, на мир, разделенный по признаку пола, в котором нет половой нейтральности» (цит. по: [15, с. 109]).

Люси Иригарэ выделяет девять признаков этого мужского идиолекта:

- «— размещение мира перед собой...
- навязывание миру модели...
- притязание на отчужденность от модели, желание доказать, что модель строго объективна;
- доказательства стабильности модели...
- доказательство устойчивости модели благодаря использованию инструментария, задействованию техники, которая отделяет субъект от объекта;
- создание идеальной модели (в смысле идеи и идеала), модели, независимой от физического и психического облика ее создателя;
- доказательство универсальности модели, ее принадлежности к единому и всеобщему миру;
- учреждение этой универсальности посредством протоколов экспериментов...
- доказательство, что открытие эффективно, продуктивно, рентабельно, может с успехом применяться... и поэтому означает прогресс» [там же, С. 110].

Нетрудно увидеть в этих девяти признаках мужского идиолекта тождество с признаками рациональности в науке, задающей вектор — ориентиры и другим сферам деятельности. Удерживая в сознании эти девять принципов, выделим самое существенное в них:

- 1) принцип бинарности, т. е. оппозиция субъекта и объекта;
- 2) экспансионистский непрерывный «захват» мира.

Именно оппозиция субъекта и объекта в ее разнообразных ипостасях долгое время олицетворяла рациональность, являющуюся базовым основанием научности. Эта оппозиция является основой существующей в течение веков в европейской культуре традиционной субъект-объектной гносеологии. Для этого периода характерно было антитетическое противопоставление бинарных оппозиций — «мужское — женское».

Неполнота, нереальность, несоответствие этой теории как «виртуального конструкта» действительным событиям и процессам человеческой деятельности привели к необходимости отразить новые способы понимания и видения познания [18, с. 29]. Представляется, что альтернативные феминистские эпистемологии в их различных вариантах [11, с. 174—196] внесут свой вклад в «неклассические теории познания».

Отметим, что феминистские теории, согласуясь с постмодернистским подходом, противостоят традиционной гносеологии (или «позитивистской эпистемологии»). Отказавшись от критериев научной объективности, феминистки утверждают, что предпонятия, эмоции, предрассудки задают рамки исследования. Их нельзя не учитывать. Здесь они, безусловно, на верном пути, ибо, прежде чем вести экспансионистский захват мира, как это было свойственно всей эпохе модерна с ее типом мужской культуры, человек должен быть сам «захвачен этим миром» [6, с. 73], а потом уже вести тотальный захват мира. Иначе говоря, познание невозможно без переживания субъектом этого мира. Субъект-субъектное отношение — обязательное условие нетрадиционных гносеологий, куда можно отнести и альтернативные феминистские эпистемологии. Более того, последние с их принципом доверия субъекту коррелируют и с модной сегодня эволюционной эпистемологией (К. Лоренц, Г. Фолмнер, Д. Кэмпбелл), которая приоткрывает новые сферы и особенности предметно-деятельностных механизмов в познании. Человек принадлежит природному миру; вся его жизнь, само приспособление к этому миру предстают как процесс познания. Таким образом, сама эволюция представлена как познавательный процесс, обусловленный многими факторами, среди которых фактор принадлежности полу занимает отнюдь не последнее место. И это надо учитывать в гендерно ориентированной гносеологии. Сделаем промежуточные выводы.

1. Проецируя парадигму классического рационализма на общество, мы пришли к заключению, что властвование мужчины над женщиной — это исторически первая форма господства. Мужской дискурс есть тот властный дискурс, который вытесняет женщину через язык из текстов. Если молчание — это тоже текст, то в условиях антитетического противопоставления бинарных оппозиций («мужское — женское») женское молчание как текст не может быть прочитано до конца. Как поведенческий стереотип такого рода молчание свидетельствует о знании, которое не может быть выражено, будучи абсурдным, является неопределенно истинным, претендуя на некую мифологичность. Тогда «в целом молчание как бы а priori содержит в себе ответственность выбора и игру случая, предначертанность судьбы и неопределенность будущего» [7, с. 177].

2. Так как наука структурирована с позиций андроцентризма (восприятие социальной жизни с точки зрения мужчин), то категории научного мышления имеют корни в характере мужского пола. Не случайно отмеченное выше сходство признаков мужского идиолекта и признаков рациональности в науке.

3. Если наука и рациональность идентифицируется с мужественностью, то тогда попытки интегрировать женщин в науку отклоняются как не имеющие смысла.

4. Следовательно, на долю женщин остается критика эпохи модерна с центрированной позицией науки в ней. Стержень этой критики — рефлексия вокруг принципов традиционной субъект-объектной гносеологии и, соответственно, выдвижение альтернативных феминистских эпистемологий, коррелирующих с неклассическими теориями познания.

Согласимся, наука — удел мужчин. Здесь нужна логика. Именно ее отсутствие во все времена мужчины ставили женщине в упрек. Итак, в науке женщине нет места. Тогда, может быть, ее удел — искусство как образное отражение действительности и выражение себя?

Оказывается, по мнению Л. Нохлин, «женщинам был закрыт доступ к институциональной художественной практике. Сначала они вообще не допускались к обучению в художественных академиях, а затем, к концу XIX века, им все еще запрещалось посещение класса рисунка с обнаженной натуры. Вследствие этого женщины не могли обладать одной из важных предпосылок так называемого высокого искусства — умением изображать человеческое тело» (цит. по: [12, с. 94]). Линда Нохлин в своей

статье «Почему в истории нет великих художниц» выявила практику художественных институтов, которая способствовала вытеснению женщин из художественного процесса. Кстати, само обозначение «художница» служит стереотипом для а) отграничения женского искусства и б) вытеснения его как вторичного в область скромных жанров (цветочного натюрморта, например) в отличие от «большого», мужского искусства. Вообще, изображение природы и практическое рукоделие считались занятиями для женщин в силу отнесения их к сфере природного как того, что соответствует выполняемой ими функции размножения. Если удел женщин – принадлежность миру природы, то о полете духа не могло быть и речи. Гениальность, трансцендирование – это удел мужчин. Итак, Беате Зентген показывает, что женщины почти не могли влиять на язык и официальные коды искусства. «Коды изображения в западноевропейском искусстве формировались на оси мужского желания» [12, с. 88].

Результатом этого является общий для нашей культуры феномен — «маскулинизация» зрительской позиции. Лаура Малви как теоретик кино и феминизма исследует это явление в своей статье «Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф». Женщине как зрителю навязываются правила «чужой» игры — получение мужского типа удовольствия от рассматривания женского тела (вуайеристский тип удовольствия). Идентифицируя себя с объективом камеры, зритель «одалживает» ту идеологическую позицию, которую камера как субъект видения олицетворяет. Так идеология участвует в формировании конструирования субъективности индивида, женской, естественно, в том числе. Причем заимствование мужского взгляда, приятие идеологии патриархального социума происходят на уровне бессознательного [17, с. 280—296]. Поэтому и выявить это значительно сложнее. «Это как раз тот случай, когда идеологические эффекты производятся в самих концептах и через их посредство, когда дискурс исполняет, как то делает доминирующий кинематограф, политическую функцию, служа культурному доминированию» [16, с. 747]. Вывод из всего этого неутешителен. Несмотря на то что женщины постоянно присутствуют в фильмах, они не имеют значения сами по себе, а только в связи с тем, что они репрезентируют. На долю женщины, таким образом, выпала функция экспоната, который является пищей для фантазий мужского зрителя. Молчащий экспонат — такова длительная роль женщины в истории.

Итак, как в науке, так и в искусстве женщине нет места. Правда, в искусстве, особенно с начала XX века (появление кинематографа) происходит конструирование женской субъективности. Это, на наш взгляд, коррелирует уже с другим типом рациональности — неклассическим. Выделение основных черт неклассического типа рациональности не входит в задачу данной работы. Здесь важно отметить, что «неклассику от классики отделяет пропасть, мировоззренческий, общекультурный барьер, несовместность качества мысли. Замещение классики неклассикой поэтому основательнее понимать в смысле повсеместного и интенсивного реформистского процесса тектонического порядка, который, отбирая из тогдашней духовной среды созвучные ему далеко идущие параметры, шквалом обрушился на традицию и смял ее, утверждая на ее обломках причудливый, неведомый тип ментальности» [13, с. 69]. Для становления этого типа ментальности значимы были, кроме открытий в естествознании, такие явления, как модный в начале века психоанализ с его признанием непрозрачности субъективного, феноменология с ее акцентуацией на идею конструирования действительности, модернизм с его интенцией на ревизию вечных истин, ницшеанский волюнтаризм с его индивидуализацией ценностей и подрывом канонов. Естественно, это совершенно другое «качество» мысли, другой способ «думания», не мог не повлиять на вечную проблему отношения полов. Кстати, в русской философии начала века проблемам пола много внимания уделяли Н. Бердяев, В. Розанов, Вл. Соловьев. В поле как точке пересечения двух миров скрыта, по Н. Бердяеву, тайна бытия [5, 24, 27, 30].

В контексте нашего изложения значимым является то, что именно в это время женщине выпала участь выполнять в культуре роль Другого. Причем этот Другой конструируется мужчиной, постоянно контролируется мужским дискурсом. «Женщина

конструируется как основание для репрезентации, зеркало, подносимое мужчине» [16, с. 741]. Женщине выпала участь быть Зеркалом в культуре, причем зеркалом, созданным мужчиной для своих целей и нужд. Отношения в системе «Я (Мужчина) — Другой (Женщина)» могут быть охарактеризованы как функционально-ролевые. Это означает, что мужчины и женщины создаются, ими не рождаются. Иначе говоря, биология не есть судьба. Если сравнить с позициями классического рационализма, с точки зрения которого биология женщины детерминирует ее жизнь, центральное событие которой — деторождение и забота о детях, то здесь, в рамках неклассического типа рациональности, зафиксировано некоторое продвижение, знаменующее отказ от биологического детерминизма. Мы же осмелимся пока на такое предположение: неклассическая рациональность, спроецированная на систему иерархии полов, может быть рассмотрена как коммуникативная рациональность. Для нее характерно возникновение особой сферы «между» (М. Бубер), которая заново конструируется или исчезает «по мере человеческих встреч и предстает носителем человеческой событийности» [18, с. 47]. Молчание не обходится без Другого. В опыте молчания распознается реальность Другого. Поэтому взаимоотношения Я и Другого есть одновременно конфликт и диалог, где молчание есть необходимое условие, конституирующее пространство коммуникации.

Коммуникативная рациональность обычно связывается с диалогом. «Быть — это, значит, общаться диалогически» [4, с. 160]. В идеале это так. Но коммуникация — прежде всего однонаправленный процесс передачи информации; в данном случае — от мужчины (означаемое) к женщине (означающее). Выше было рассмотрено на примере кино, как происходит в культуре «маскулинизация» зрительской позиции. Как результат этого «женщина в патриархальной культуре занимает место означающего маскулинного Другого, ограниченного символическим порядком, в котором мужчина может лелеять свои фантазии и наваждения посредством лингвистической власти, направляя их на молчаливый образ женщины, все еще привязанной к своей функции носителя значения, а не его создателя» [17, с. 282]. Кстати, «быть другим в современной культуре зачастую означает позицию “фундаментального необладания”, т. е. политической маргинализации и дискриминации» [10, с. 52]. Так что до диалога, как представляется, в такой ситуации «молчания женщины» далеко. Истинный диалог предполагает равноправие его участников, а это возможно, когда каждая сторона осуществила обязательную, необходимую операцию рефлексии-в-себя, которая и есть условие истинного диалога. В результате чего становится возможной рефлексия-в-другое. Онтологической основы для такого диалога нет, ибо «то, что называется “мужским голосом”, самодостаточно и исключительно и, таким образом, находится вне влияния “женского голоса”, который происходит от “мужского голоса”, зависит от него и является низшим по отношению к нему. До тех пор, пока “мужской голос” зиждется на своих собственных условиях, он продолжает стандарт, по которому вместо того, чтобы уметь терпеть “женский голос”, он осуществляет контроль над ним. При таком режиме невозможно взаимодействие и примирение. Первичность и строгое превосходство одного над другим исключает плодотворное взаимодействие между ними» [23, с. 98]. Резюмируем рассмотренное.

1. Проецируя неклассический тип рациональности на общество, мы пришли к выводу, что конструирование женской субъективности мужчиной — это продолжение господства мужчины над женщиной в более утонченной форме культурного доминирования.

2. Социальное конструирование предполагает, что все мужское и женское создано в разных контекстах (мужчиной и женщиной не рождаются, а становятся).

3. Женская субъективность конструируется по правилам патриархального социума. Поэтому женщина выполняет в культуре роль Другого. Женское молчание как поведенческий стереотип, как текст может быть декодировано, обнаружив новые неожиданные смыслы. Оказывается, подмена разговора молчанием — это одна из игровых попыток перехитрить судьбу. В этом смысле молчание как другое оказывается неким

Операционная,
Послеоперационная –
реабилитационная...

Белизна статичная —
очень несимпатичная;
Белизна болезни —
крутизна судьбы и беды.
Страх, полицейский пристав, —
вскрытые вены,
горящие книги,
пламя души одинокой...
Краснота динамичная —
очень трагичная;
Краснота краха —
красными красками жизнь рисует,
начало ее конца предсказует.
Нити страха — ПУСТОТА,
ПУСТОТА — не ничто,
ПУСТОТА — полотно.
Мастер тклет из нитей:
Белых,
Красных,
Черных —
Черное и белое,
Красное и черное,
Белое и красное —
Выбери пару себе на забаву.
Смелее, Маэстро, не бойся,
Выбирай! Жизнь начинай!!! [19].

Страх представлен в трех ипостасях: «страх-монах», «страх, полицейский пристав», «страх в гостях». Триада страха. Центральный «страх» по имени «полицейский пристав», пожалуй, самый серьезный персонаж. Именно на его долю приходится функция внутреннего цензора. То ли я сказала, так ли я думаю? Имеют ли мысли право на существование? Не слишком ли быстро они «бегут»? Невозможно догнать: «Стойте, мои мысли, или вы уже не мои?» Невольный беглый анализ этого стихотворения инициирует диалог с Элен Сиксу: «Каждая женщина знает, чего стоит мучительная попытка встать и сказать. Как колотится сердце, уходят слова и почва из-под ног – так отчаянна эта попытка, так велико преодоление страха для женщины – просто встать и сказать то, что хочешь, публично. Вдвойне попытка и свершение, потому что, даже если она смогла сказать, ее слова попадают всегда лишь на оглохший слух маскулинности, привыкший слышать лишь то, что сказано в мужском роде» [26, с. 805].

Показателен конец стихотворения, содержащий обращение к Маэстро: «Смелее, Маэстро, не бойся, выбирай! Жизнь начинай!» Автор этим обращением-ободрением признает за Мужчиной первенство и, может быть, ответственность за весь устоявшийся «душный» порядок, признает первичность его дискурса и начинаний. Хотя в этих строках сквозит, возможно, едва уловимая ирония, проявляющаяся в подталкивании Мастера («смелее», «себе на забаву»). Ирония — это хорошо. С одной стороны, это здоровое чувство понимания происходящего вокруг. А с него, как известно, все и начинается. С другой стороны, это обязательный момент, присущий постмодернистским текстам.

Итак, благодаря Элен Сиксу, ее отточенному эмоциональному эссе «Хохот Медузы», сыгравшему роль инициации погружения в пространство авторского стиха, мы попали в лоно постмодернизма с его интенцией на индивидуальность, постоянной ускользаемостью от однозначных дефиниций и принципом бесконечной игры.

Постмодернизм выражает «дух времени», когда «в эпоху воздушного сообщения и телекоммуникации разнородное настолько сблизилось, что сталкивается друг с другом; одновременность разновременного стала новым естеством» [14, с. 203]. Постмодернизм, критикуя принцип бинарности как основной принцип модернистской эпохи, утверждает концепции радикальной плюральности. Учет множественности голосов, звучащих из разных точек пространства, и признание в полифонии голосов самого тихого, женского, голоса — это требование философии Жака Дерриды. Чтобы это произошло, то есть тихий голос стал громким, услышанным, нужно иначе подойти к «полярностям», которые не должны выстраиваться по принципу иерархии, или субординации. Они должны быть равноправны: «Речь идет не о том, чтобы означаемому предпочесть означающее, превратить его в трансцендентальную сущность» [2]. Речь идет о равноправии означающего и означаемого. Жак Деррида же фактически перечеркивает сам принцип первичности. Иначе говоря, он утверждает, не перевертывая отношений (то есть привилегия отдается означаемому вместо означающего), уничтожение самой идеи первичности. Вместо оппозиционного различия он вводит понятие различения, то есть сосуществования множества равноправных смысловых инстанций. Возможно, именно это модное в начале 90-х годов XX в. понятие «различение» (differance), как и сама форма произведений этого интересного теоретика, создателя метода деконструкции, инициировало стихотворение «Параллельно сосуществующие миры».

ОДИНОЧЕСТВО ЖЕНСКОЕ —

Привычность:

В комнате — вселенский хлам,
 В облике — аристократический срам,
 В глазах — обалденная тоска,
 В действиях — грациозная суета,
 В мыслях — удивительная пустота,
 В пространстве — всепоглощающая

мечта

НИ О КОМ И НИ О ЧЕМ —

Желание НИЧЕГО не менять,

НИКОГО не терять,

Остаться в СВОЕЙ СКОРЛУПЕ

ДО ПОЛНОЙ ПОТЕРИ В ПУСТОТЕ!!! [19].

ОДИНОЧЕСТВО МУЖСКОЕ —

Обыкновенно:

В комнате — идеальная чистота,
 В душе — потрясающая пустота,
 В голове — завидная чехарда,
 В желаниях — сплошная суета,
 В жизни — обалденная маята,
 В пространстве —

бегущая строка

из образных знаков:

КАК МОЖНО БОЛЬШЕ УСПЕТЬ!

КАК МОЖНО МЕНЬШЕ СТАРЕТЬ!

КАК МОЖНО БОЛЬШЕ ВЗЯТЬ!

КАК МОЖНО МЕНЬШЕ ДАТЬ!

И наконец —

набирающая скорость

энергетическая волна:

ВСЬ МИР ПОКОРИТЬ!

ВСЕХ ЖЕНЩИН ПОЛЮБИТЬ!

НЕПОВТОРИМЫМ БЫТЬ... и

ВЕЧНО ЖИТЬ!!! [19].

Объект исследования — одиночество, весьма популярная тема в женской лирике. Но здесь присутствует попытка совместить в пространстве одного «кадра» два феномена одиночества, выявив их атрибуты. Ирония, которая сквозит при описании мужского одиночества, — это ирония удивления от неожиданного понимания... Удалось проникнуть? Пространственно мужскому дискурсу отводится больше места, что свидетельствует о бессознательно фиксируемой привилегии этого второго, чуждого мира.

Возможен и другой подход к женской субъективности. Он присутствует в концепции французского философа, одной из ярких фигур в современном феминизме, Люси Иригарэ. Занимаясь поиском логических оснований женской дискурсивной репрезентации в культуре, Люси Иригарэ выявляет логический конструкт истерички (для обозначения децентрированного, отличающегося от мужской субъективности, голоса).

Телесный истерический симптом — это не только форма преодоления патриархатной Я-идентичности, но и одновременно отказ от того, что от нее ожидается.

Форма истерии — это нарушение границ традиционной Я-идентичности, определяемой с помощью мужских характеристик воли и сознания. Таким образом Люси Иригарэ пытается изобрести новую линейку измерения, согласно которой женщина реализует себя в ситуации истерии как активный субъект не в противостоянии мужчине (не с телом «другого»), а в ситуации своеобразной рефлексии-в-себя. Истерия — это не сущностная характеристика женского, а пародия на то, что от нее ожидается. Истеричка, иначе говоря, удовлетворяет свои собственные требования [10, с. 58]. Поэтому истерия может трактоваться как молчание, ибо в этой ситуации теряется связь между означаемым и означающим: означающему ничего не противостоит, кроме опыта своего «Я», имманентно содержащего паравербальный опыт доязыкового коммуницирования.

Приведем выдержку из стихотворения как своеобразную иллюстрацию данной теории:

Это не Я орала,
Это действительность
ВЫПОЛЗАЛА
из всех щелей и углов,
покусанная толпами клопов...
Мой ОР — это ЖИЗНИ СОР...
Вымести мне его не под силу —
Надсадишь свою жизненную силу...

Теоретические конструкции и эмоциональный взрыв имеют общее основание: бытие женщины в современном мире маскулинизированной культуры, где каждый ее шаг контролируется. Следствие этого тотального контроля — истерия как внезапное проявление активности. Парадокс — истерия как пробуждение, истерия как молчание. Нельзя не отметить, что совпадение теоретического конструкта и данного стихотворения, написанного задолго до знакомства с данной теорией, вызвало удивление и уверенность в том, что есть нечто общее, тождественное в нетождественном. Когда общее фиксируется, то ум приходит в состояние спокойного умиротворения: наука продолжается. Кризис научной рациональности, о котором много пишут и спорят ученые, лишь укрепит ее позиции. Кризис научной рациональности отчасти связан с проблемой языка. Можно согласиться с Натальей Автономовой, которая полагает, что «невозможно описать свой опыт через категории Лакана или Делеза, не разобравшись в том, зачем им самим те или иные понятия, откуда они взялись, какие задачи они позволяют решать и могут ли быть перенесены в новый мыслительный и культурный контекст» [3, с. 102]. Но согласившись, все-таки решили идти от невозможного. И обнаруженные выше совпадения нашего опыта с теоретическими конструкциями постмодернистов (некие общие «фреймы»), думается, вполне объяснимы: за ними одни и те же реалии. Реалии, уводящие в прошлое и репрезентирующие настоящее маскулинизированного типа культуры, везде возводящего прочные и незыблемые иерархии.

Женщина и мир... Напряженный поиск гендерной идентичности, то внимание, которое уделяется проблеме взаимодействия феминности и маскулинности как гендерных характеристик субъективности, — это тот индикатор, который свидетельствует об изменяющемся мире. Мы живем в мире, в котором возрастает вероятность маловероятных событий. Да, мир становится другим. И этому другому миру нужна женщина в нетрадиционных ее ролях: женщина-политик, бизнесмен, военный, дипломат и т. д. Аргументы в пользу этого «зачерпнем» из Ее Величества Науки, ибо все-таки нельзя, несмотря на критику, не признать господствующим порядок, освященный Разумом. С точки зрения синергетики, исследующей кооперативные эффекты в сложноорганизованных системных объектах, в точках бифуркации предсказание дальнейшего развития системы затруднительно. Сценарий нелинейного развития проблематизирует задачи, стоящие перед исследователем. Традиционный же классический тип рациональности, в большей степени соотносимый с мужским типом

рациональности, как известно, коррелирует с состоянием стабильности и воспринимает мир по линейному сценарию.

Нелинейный сценарий развертывания открытых систем «схватываем» женским типом рациональности, включающим в себя и интуицию, и логику здравого смысла, и эмоциональный подход к решению проблем. Видимо, каждодневная жизнь женщины представляет ситуацию «бытия на грани». Непредсказуемость, принципиальная непрограммируемость в повседневных делах приводит женщину к действиям на основе внерациональных факторов, что способствует, кстати, и «освоению» неоднозначной логики. Данная логика необходима сегодня при решении задач антикризисного управления, например. Неоднозначная логика необходима там, где применяется новый тип социального действия, предполагающий новое видение действительности, задаваемое такими категориями, как «выращивание», «проращивание», «выслушивание», «самоопределение», «совместные действия» [25, с. 24]. Перечень данных категорий позволяет прийти к выводу, что данный тип социального действия будет способствовать становлению истинного (полифонического) диалога, основанного на личностно-смысловом общении. Как свидетельствуют научные данные, «...мальчики стремятся к независимости: они утверждают свою индивидуальность. Девочки предпочитают взаимозависимость: они обретают индивидуальность в социальных связях» [21, с. 286]. Согласимся, как важно последнее в нашем быстромеменяющемся взаимозависимом мире. Важно для всех нас, хотя мужчины часто «...единственной формой “успеха” считают личные достижения. Озабоченность женщин вопросами взаимоотношений с другими людьми рассматриваются мужчинами скорее как слабость, а не сила, чем она часто является» [8, с. 163].

В учебнике с необычным названием «Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты» автор пишет: «Прогресс цивилизации постепенно снижает ценность специфических мужских преимуществ (например, физической силы) и повышает ценность женских качеств. Даже современная война перестает быть прерогативой “сильного пола”: с современным сложным интеллектуальным оружием легче справляются женщины благодаря выносливости, хладнокровию и вербальным способностям» [21, с. 285]. И далее — «... более развитые вербальные и логические способности женщин позволяют рассматривать XXI век как век женской политики. В современных условиях традиционные мужские качества (агрессивность, способность к самоутверждению) играют меньшую роль в политической деятельности, чем вербальные способности, позволяющие прекрасному полу легче овладевать иностранными языками, быстрее и полнее понимать представителей других наций и культур. Именно такие качества важны для политических лидеров начинающегося столетия, когда необходимо обеспечить гармоническую коэволюцию разных частей человечества вопреки разделяющим барьерам» [там же, с. 287].

Воздержимся от комментариев. Те, кто хотят вернуть женщину в дом, забывают, что Дом (с большой буквы) тоже уже сегодня с нетерпением ждет ее. Как совместить дом и Дом? Это надо решать вместе, и тогда в известном лакановском выражении «Женщины не существует» — частица «не» постепенно будет растворяться в потоке Времени. Актуализация этого положения предполагает исследование женского молчания как текста, ибо именно погружение в текст позволяет встать на тропинку понимания, даже если этим текстом будет молчание. Смыслонесущая роль паузного молчания заключается в организации множественности потенциализируемых молчанием смыслов. Если язык содержит в себе стратегии власти, то молчание является оппозицией власти, причем даже истерика, как выше отмечалось, есть молчание. Женское молчание по структуре напоминает отсутствующую структуру У. Эко: «Если Последняя структура существует, но она несказуема, потому что нет такого метаязыка, который мог бы ее схватить, а если она только сквозит в языке и его оборотах, то она — не Последняя, ибо в тот самый миг, когда она начинает вырисовываться, она утрачивает те качества, которые делают ее Последней,

т. е. способность отступать в тень, порождая другие проявления» [29, с. 457]. Получается, что эта структура наделена смыслом, как и молчание, отсылая нас к Другому. Современная женщина эпохи постмодернизма получает удовольствие от ситуации игры, будь то выстраивание карьеры, самолюбование собой, эстетическое совершенствование своего тела — только вот поймет ли Другой как немаркированный элемент этой вечной бинарной оппозиции, тоже упоенный своей игрой во власть, основной message коммуникации. Способен ли он декодировать, услышать голос женского молчания, если это молчание тождественно вселенскому молчанию мира. Вряд ли представляется возможным найти тайный код этого молчания, имманентного молчанию мира. Эхом отзывается пустота...

Библиографический список

1. *Аверинцев С. С.* Два рождения европейского рационализма // *Вопр. философии.* 1983. № 3.
2. *Автономова Н. С.* Археология знания // *Современная западная философия: Словарь / Сост. В. С. Малахов, В. П. Филатов.* М., 1991.
3. *Автономова Н.* Философия и филология: (О российских дискуссиях 90-х годов) // *Логос.* 2001. № 4.
4. *Бахтин М. М.* Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
5. *Бердяев Н.* Смысл творчества. М., 1989.
6. *Бибихин В. В.* Свое, собственное // *Вопр. философии.* 1997. № 2.
7. *Богданов К. А.* Очерки по антропологии молчания. *Номо Тасенс.* СПб., 1997.
8. *Гидденс Э.* Социология. М., 1999.
9. *Деррида Ж.* Московские лекции. Екатеринбург, 1991.
10. *Жеребкина И.* Феминистская теория 90-х годов // *Введение в гендерные исследования.* Харьков; СПб., 2001. Ч. 1: Учеб. пособие.
11. *Здравомыслова Е, Темкина А.* Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений // Там же.
12. *Зентген Б.* Схема рамок // *Пол. Гендер. Культура.* М., 2000.
13. *Ильин В. В.* Теория познания. Эпистемология. М., 1994.
14. *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
15. *Клингер К.* Позиции и проблемы теории познания в женских исследованиях // *Пол. Гендер. Культура.* М., 2000.
16. *Лауретис Т. де.* В зазеркалье: женщина, кино и язык // *Введение в гендерные исследования.* Ч. 2: Хрестоматия.
17. *Малви Л.* Визуальное удовольствие и нарративный кинематограф // *Антология гендерной теории.* Минск, 2000.
18. *Микешина Л. А.* Философия познания. М., 2002.
19. *Михайлова Т. Л.* Онтология страха // *Саксагань: Лит. альманах. Кривой Рог,* 1994. № 2.
20. *Михайлова Т. Л.* Параллельно сосуществующие миры // *Лирическое отступление: Сб. стихов и прозы политехников.* Н. Новгород, 2008.
21. *Олескин А. В.* Биополитика. Политический потенциал современной биологии: философские, политологические и практические аспекты, М., 2001.
22. *Пушкарева Н.* Гендерная проблематика в исторических науках // *Введение в гендерные исследования.* Ч. 1.
23. *Роджер Т. Эймс, Холл Д.* Китайский сексизм: пропедевтика // *Феминизм. Восток. Запад. Россия.* М., 1993.
24. *Розанов В.* Уединенное. М., 1991.
25. *Розин В. М.* Философия и политика // *Вопр. философии.* 1996. № 1.
26. *Сиксу Э.* Хохот Медузы // *Введение в гендерные исследования.* Ч. 2.
27. *Соловьев В.* Смысл любви. М., 1990.
28. *Тер-Минасова С. Г.* Межкультурная коммуникация. М., 2000.
29. *Эко У.* Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб., 2004.
30. *Эрос в русской философии.* М., 1989.